

Татьяна БОЧАРОВА

История семьи.
БОЧАРОВЫ

Москва — Санкт-Петербург
2016

Бочарова Т. И.

Б86 История семьи. Бочаровы. — М.; СПб., 2016. — 64 с., илл.

© Т. И. Бочарова, 2016

ВСТУПЛЕНИЕ

В 2013 году исполнилось сто лет со дня рождения нашего с братом папы — Бочарова Ивана Васильевича.

Чувство любви и благодарной памяти к нашим родителям, ко всему, что они сделали для нас, подвигло меня написать эти заметки о жизни и истории нашей семьи.

Уже тридцать пять лет наших родителей нет с нами, и о многом теперь не спросишь.

Время, в которое мы росли, — эпоха строительства социализма и коммунизма. Вся идеология в стране, принятая в то время, а также послереволюционная традиция начинать каждую эпоху с чистого листа не способствовали любознательности. И мы, как говорится, были ленивы и нелюбопытны. Зачастую говорить о прошлом семей было небезопасно.

Теперь мы с братом уже немолоды, у нас растут внуки. Надеюсь, им будет интересно и полезно узнать о своих корнях, об истории семьи, о живой истории страны, которая, говоря словами Солженицына, задела своим «красным колесом» и нашу семью.

Пусть они знают своих предков и ощущают себя звеном в цепи поколений.

Наш дед, Бочаров Василий Кириллович, сельский священник, несколько лет провел в сталинских лагерях. Другой дед (со стороны мамы) — Северин Андрей Филиппович — украинский крестьянин, хороший хозяин, в период раскрестьянивания деревни и учиненного голодомора был назван кулаком, выдворен из своего дома, лишен хозяйства и несколько лет скитался с женой и младшей четырех-пятилетней дочерью.

Напишу о том, что осталось в памяти из редких замечаний родителей, рассказов родственников и в документах.

НАЧАЛО

Папа

Наш папа — Бочаров Иван Васильевич — родился 24 июня 1913 года в семье сельского священника Василия Кирилловича и его жены Татьяны Ивановны в селе Верхнее Березово Курской области (позже при новом административном делении оказавшемся в Белгородской области). В семье было семеро детей: пятеро сыновей и две дочери. Папа был предпоследним, шестым ребенком в семье.

Папин отец, наш дед Василий Кириллович, был родом из села Караичное Больше-Троицкого района Курской области, из бедной крестьянской семьи пастухов. Любознательность и тяга к учению позволили ему выбиться в сельские священники.

Бабушка Татьяна Ивановна (в девичестве Стребкова) родом была из того же села, что и дед, но из более зажиточной семьи сельского лавочника. Ее отец торговал керосином. Бабушка вела домашнее хозяйство и воспитывала детей. Все дети получили образование. Дочери были учительницами в младших классах. Сыновья получили разные специальности. Были среди них преподаватель математики, шофер, бухгалтер, учитель географии, инженер.

Во время Великой Отечественной войны четверо сыновей воевали, защищая Родину, трое из них погибли.

В 1930 году во время жестоких гонений на церковь отец семейства был репрессирован и сослан в лагерь в Воркуту, затем на строительство Беломорканала, где провел девять лет.

Семейное предание хранит об этом такую историю. Василия Кирилловича вызвали в сельсовет и под дулом

револьвера потребовали оговорить сельского кузнеца, будто он что-то сказал против советской власти. Дед отказался, сказав, что знает этого человека как хорошего кузнеца, а что он говорил кому-то — ему неизвестно. Тогда в сельсовете сказали: «Раз так, сам пойдешь в лагерь». Так он попал в ГУЛАГ. Был осужден на десять лет, освободили через девять. Работал в Воркуте на лесоповале, а также на строительстве Беломорканала. На лагерных работах бревном придавило ногу. Хромал до конца жизни.

Похоронен Василий Кириллович у стены церкви в селе Никольское Белгородской области, где он был священником и в годы войны, и в послевоенное время.

После смерти Сталина был реабилитирован посмертно.

Как говорили в семье, только вера помогла ему выдержать это испытание.

Наш папа к этому времени окончил семилетку, и ему надо было самому зарабатывать на жизнь и учиться.

В 1930 году папа приехал в Харьков на строительство тракторного завода и работал в разных должностях, начиная с чернорабочего. Одновременно учился в вечернем строительном техникуме, который окончил в 1932 году.

После техникума работал десятником и техником на строительстве Харьковского станкостроительного завода, в 1933 году поступил на работу техником-строителем Харьковской ГЭС № 2. Готовился к поступлению в институт.

В 1934 году сдал вступительные экзамены в Харьковский инженерно-строительный институт, но не прошел по конкурсу — помешало социальное происхождение.

И в дальнейшей жизни это всегда было препятствием и для других детей священника.

В это время был набор по вербовке в Грозненский нефтяной институт.

Так наш папа стал студентом. Однако долго учиться не пришлось: в начале 1935 года он был исключен из института как сын священнослужителя.

И снова — работа. В том же году поступил на работу техником-строителем Еленовских карьеров в Донбассе, затем был переведен на строительство доломитового комбината в Никитовке.

С 1935 года работал на строительстве Запорожского коксохимического комбината. Сначала плановиком, затем старшим экономистом планового отдела.

В августе 1936 года был восстановлен в Грозненском нефтяном институте, который закончил с отличием и получил диплом 23 июня 1941 года.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война.

Молодых инженеров и рабочих, в том числе и нашего будущего папу, мобилизовали для отправки на учебу во Владикавказское артиллерийское училище, но в военкомате им сообщили, что пришло распоряжение из Наркомата тяжелой промышленности о необходимости оставить всех на заводе для обеспечения его бесперебойной работы и снабжения армии горючим. Немцы были рядом.

Позже стало известно, что Владикавказское училище было взорвано немецким десантом и все, кто там был, погибли.

Так судьба подарила жизнь нашему папе и нам.

За доблестный труд в годы войны на нефтеперегонном заводе папа получил медаль «За оборону Кавказа».

Мама

Наша мама — Бочарова (Северина в девичестве) Галина Андреевна — родилась 22 февраля 1916 года в селе Краснополье под Сумами Харьковской губернии в крестьянской семье. Ее отец — Андрей Филиппович Северин, мама — Марфа Андреевна Северина (в девичестве Пелипец), также уроженка этого села. До замужества Марфа Андреевна жила в няньках в богатой семье.

У мамы была младшая сестра Мария, 1926 года рождения.

Наш дедушка, Андрей Филиппович Северин, родной матери не знал, рос с мачехой. В детстве, имея хороший голос и слух, пел в церковном хоре. Как он сам говорил: «Спивав дискантом на клиросе». Окончил церковно-приходскую школу. Хорошо знал Священное Писание и часто к месту пересказывал какие-то притчи. Мы, конечно, пропускали их мимо ушей.

Дедушка любил рассказывать нам о своих детских проказах: как он пробирался в погреб, вставлял соломинку в кувшин с молоком и через пенку высасывал содержимое. При этом дед качал головой и довольно усмехался: «Ох, и бедовый я був».

В молодости дедушка участвовал в русско-японской кампании. Его рассказ обычно начинался так: «Як я був у Маньчжурии...» И что-нибудь про китайцев. Не записывала, не помню. Знаю, что был комиссован из-за грыжи.

Андрей Филиппович Северин — единственный из предков, кого мы знаем не по рассказам: он жил в нашей семье с нашего рождения.

До 1930 года мама наша жила в Краснополье, где родилась и закончила семилетку. В это время в стране начиналась коллективизация.

Наш дед был признан кулаком, лишен хозяйства, выдворен из дома и вместе с женой и младшей дочерью на телеге, запряженной парой быков, уехал из села в Мариуполь, где возил соль — это называлось «чумаковал».

Потом скитался с семьей по Украине, пока в 1939 году не воссоединился с семьей своей дочери, нашей мамы¹.

Нашей маме выправили документы, приписав один год, что давало право устроиться на работу. Так, четырнадцать лет от роду, родители отправили ее в Харьков на строительство Харьковского тракторного завода.

Мама устроилась работать счетоводом и одновременно училась на рабфаке. По окончании строительства ее перевели на работу в инструментальный цех, а в 1935 году назначили бухгалтером материального отдела. Жила она в общежитии со старшими девушками, которые любили ее и заботились о ней. Позже мама всегда тепло вспоминала это время, своих соседок Нюсю и Фросю, коллективные поездки в харьковский театр.

Так жизнь привела наших родителей в одно место — на стройку социализма, где они и встретились. А в 1938 году они зарегистрировали свой брак, и началась общая судьба.

Дети репрессированных родителей, наши мама и папа, дорожили друг другом. Семья была для них опорой и защитой от суровой и тяжелой жизни.

У нас была хорошая честная семья.

¹ В конце 2012 года по телевидению показали документальный фильм журналиста Алексея Пивоварова «Хлеб для Сталина. Истории раскулаченных». Это подробный рассказ о коллективизации 1930-х годов, чудовищной машине, запущенной государством и унесшей миллионы жизней. А. Пивоваров — журналист, получивший известность в годы перестройки в 1990-х годах. В интервью газете А. Пивоваров сказал: «Я довольно долгое время делал фильмы о войне, но в процессе работы понял, что на самом деле не война, не революция самое страшное, что случилось с русским народом. Что именно коллективизация является тем самым ударом, сломавшим ему хребет. Ударом, от которого русский народ в известном смысле оправиться уже не смог. Я стал интересоваться этим вопросом, узнавать про это, читать. И понял, что если делать фильм про настоящую русскую катастрофу, то это должен быть фильм про раскулачивание. Оно коснулось миллионов и ныне живущих людей. Даже тех, кто об этом не знает. Как всегда, мы стараемся рассказать о больших исторических событиях через истории простых людей, которым не посчастливилось стать их участниками. У нас немало героев в этом фильме, среди них есть предки известных и знаменитых ныне россиян. Мы пошли по этому пути, чтобы показать: на самом деле, никто не был застрахован от раскулачивания. Несмотря на то что в нынешней жизни наши герои совершенно друг на друга не похожи. Достаточно сказать, что в фильме приняли участие Леонид Парфенов и Александр Ткачев. Или Альфред Кох и Владимир Шахрин. Но всех их объединяет то, что их предки были самым жестоким образом лишены всего, а в некоторых случаях и жизни из-за того, что советская власть признала их кулаками. Мы старались найти тех, кто известен, и тех, чья история может быть интересной, пробирает. И еще один момент: мы старались не просто взять у них интервью: мы с каждым из них съездили в то место, где были раскулачены их предки. И нынешнее состояние этих мест, где многие из наших героев оказались впервые, говорит само за себя. Скажем, Эдуард Сагалаев вообще не нашел той деревни, в которой жили несколько поколений его предков».

В журнале «Огонек» за 2013 год в материале, посвященном писателю-фронтовику Борису Васильеву, который незадолго перед этим ушел из жизни, приводятся его слова о нашей истории.

«В истории срабатывает диалектика — во всяком случае, закон перехода количества в качество; в XIX веке мы пережили взлет, который переживает каждая нация, когда накопление ее интеллектуального и человеческого ресурса приводит к качественному скачку. Дело было даже не в том, что в XIX веке у нас были наилучшая литература и наилучшая музыка; у нас была страна лучшей в мире нравственности. Самая патриотичная страна. Все это кончилось не с революцией, она как раз в некоторых проявила лучшее, и после нее сохранялся еще шанс на возрождение нации. Кончилось после коллективизации. Я, смолянин, хорошо знаю, как все это было у нас. Коллективизация была, по сути, уничтожением лучших людей деревни — всех, кто любил и умел работать на земле, с нее выгнали. А дальше прошло несколько десятилетий отрицательной селекции, когда любой человек, что-то умеющий и любящий делать, вынужден был преодолевать абсурдные препятствия, чтобы осуществиться...»

«Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев — выдающийся ученый-филолог в области древнерусской литературы и историк, в позднем СССР продолжал традицию русской философской эссеистики наряду со Львом Гумилевым, Алексеем Лосевым, Сергеем Аверинцевым. Своим существованием, книгами, речью, обращенными к широкому читателю, Лихачев показывал, как можно „жить не по лжи“. Он поддерживал уровень общественной нравственности и эстетического вкуса».

Не зря его называли совестью нации.

В одном из своих интервью в конце XX века Д. С. Лихачев говорит о гонениях, которые русские люди, как и другие народы нашей страны — Советского Союза, претерпели от Сталина: «Мы претерпели от Сталина огромные миллионные жертвы. Особенно русская интеллигенция и русское крестьянство. Крестьянство мне особенно жалко. О крестьянах пишут, но мало. Все остальные могут оставить о своих страданиях какие-то документы, воспоминания. А крестьянских воспоминаний об их депортации нет».

Собирая материалы для этой книги, я хотела приоткрыть по мере возможности завесу над историей семьи нашей мамы и рассказать о раскулачивании по материалам доступных публикаций.

1) А. Пивоваров «Хлеб для Сталина». «Московский комсомолец», 26.10.2012 г.

2) Б. Васильев «Возрождение начинается не с гордости». «Огонек», № 10, от 18.03.2013 г.

3) Л. Лурье «Замечательный великий человек», «Огонек», № 38, от 30.09.2013 г.

4) Д. С. Лихачев «Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет».

Советский писатель, ленинградское отделение, 1989 г.

ГРОЗНЫЙ

Во время учебы в Грозненском нефтяном институте папа работал на нефтеперерабатывающем заводе. Совместная жизнь родителей началась в Грозном. Папа работал экономистом, техником-сметчиком, начальником строящейся установки на нефтезаводе. Мама работала бухгалтером в разных организациях.

В 1939 году родился первенец — наша старшая сестра Людмила. Дома ее звали Люля, Люлечка (так она сама себя называла). В это время в Грозный к маме приехали ее родители с младшей сестрой Марией (Мурочкой). Девочке было тогда тринадцать лет.

После рождения ребенка мама вскоре вышла на работу, а Люлечку носили в ясли. Есть фотография, на которой она вместе с другими детишками стоит в манеже. Когда она смотрела на этот снимок, то говорила: «Вот она я — Люля Осивова (Бочарова), лучше всех».

По утрам перед ясельками мама давала ей стаканчик простокваши. Девочка называла ее «мпотанка» (сметанка), просила еще. Мама ей говорила: «Завтра, Люлечка». И она соглашалась. Жили так бедно, что не могли позволить ребенку лишний стаканчик простокваши.

Людочка не любила ясли, говорила, что детишки ее обижают. Наш дедушка работал в то время кочегаром в котельной или сторожем. Когда он был свободен от дежурства, то оставался дома с внучкой. Позже рассказывал нам, как Людочка любила играть и разговаривать с котенком. Она катала его по комнате в самодельной деревянной коляске, приговаривая: «Котоник, у сюда (иди сюда) сясь, сиди-кась».

В декабре 1941 года Людочка заболела менингитом и умерла. Ей было 2 года. После этого кошечка навсегда ушла из дома.

Мамина сестра Мария (Мурочка) родилась 20 августа (серпня) 1926 года, умерла от туберкулеза 3 июля 1944 года. Это была единственная и любимая мамина сестра. Она приехала с родителями в Грозный к старшей сестре, когда мама вышла замуж. Окончила в Грозном семилетку и поступила в техникум. У нее была подруга, с которой они вместе учились и практически не расставались. Подруга была больна открытой формой туберкулеза и заразила Мурочку. Было голодное время, уже шла война, питались плохо. Деньги, которые наша мама давала ей на обед, она не тратила, приберегала, а потом, перед получкой, когда в семье не было денег, отдавала маме. Такое самопожертвование дорого ей стоило. Она заболела туберкулезом и умерла за девять дней до моего рождения. Осталась распашонка с кружавчиками, которую она сшила для меня.

Маминому горю не было предела. Все дни до моего рождения она провела в слезах.

Как потом говорила мама, это был третий гроб за три года. Первой умерла бабушка Марфа Андреевна, потом Людочка, потом Мурочка.

Бедная, бедная моя мама.

Думаю, что с этим были связаны строгие правила гигиены в нашей семье: отдельные полотенца, детей не разрешалось целовать, особенно чужим.

После моего рождения папа не разрешил маме работать, и позже от этого мама очень страдала. Через два года после меня родился брат Саша.

Наше раннее детство прошло в Грозном. Жили в одноэтажном доме, может быть, в бараке, вокруг дома был садик-огородик, за калиткой — колонка с водой, к которой рвался маленький Саша, и качели между акаций, сделанные нашим дедушкой. Всеми детскими болезнями

мы с Сашей болели «хором». Знаю, что когда мы болели коклюшем, дедушка возил нас из душного Грозного на коляске «на гора», видимо, на какое-то возвышенное место подышать.

Помню, что ходили всей семьей в гости к Лютерам (наша крестная Вера Петровна и ее муж Александр Валентинович, папин товарищ по институту). Среди угощения мне запомнились рыбные консервы в томате (дома их не бывало) и колбаса. Тогда мне казалось, что это деликатесы.

Домой нас часто несли на руках. Во дворе летом с детьми разбивали абрикосовые косточки и ели ядрышки.

Однажды я отравилась, так как в кожуре абрикосовых косточек содержится синильная кислота, и попала в больницу, где мне промывали желудок и спасли, а одна девочка умерла. Мне было тогда пять лет.

В 1948 году у нашей мамы обнаружили туберкулез, А мы еще маленькие — мне было четыре, а Саше — два года. Сначала лечили дома. Дедушка заставлял маму пить теплое молоко со смальцем — свиным жиром, приговаривая: «Пьй, кому воны (мы) нужни будуть?» А потом папа и дедушка отправили маму в Теберду — в горный туберкулезный санаторий. После этого про туберкулез больше не вспоминали.

А папа наш увлеченно работал на нефтеперерабатывающем заводе.

В 1948 году папа в составе группы товарищей был удостоен Сталинской премии первой степени и звания лауреата «За коренное усовершенствование методов получения нефтепродуктов, обеспечившее значительное расширение ресурсов высококачественных бензинов». Это была высшая награда страны. В том же году он был

награжден первым орденом Трудового Красного Знамени, и после этого его приняли в партию.

А работа, получившая столь высокую оценку, была связана с разработкой и внедрением технологии получения алюмосиликатного шарикового катализатора для каталитического крекинга. Папа рассказывал нам, какая это «красивая технология», когда шарики катализатора образуются в масляном растворе.

Позже эту премию, диплом и медаль заменили на Государственную премию. Это случилось в 1962 году: в стране шли процессы развенчания культа личности Сталина. Дипломы и медали сталинской премии сохранились у лауреатов, умерших к этому времени.

В Грозном меня впервые водили на балет. Мы с мамой смотрели «Лебединое озеро». Я была в восторге: «Нет, это не балерины, это просто красота». Бредила балетом. Мама повела меня записывать в балетную студию. Выяснилось, что я слишком мала ростом и не достаю до станка. Маме сказали: «Приходите через год». А через год мы уехали в Сибирь. В 1950 году папа был назначен директором строящегося завода — катализаторного производства на Ангарском нефтехимическом комбинате в Иркутской области. И вся семья из пяти человек, включая нашего дедушку Андрея Филипповича, двинулась на восток, в Сибирь.

АНГАРСК

Путешествие по железной дороге длилось пять суток. Мы прибыли в Ангарск. Это было в начале лета 1950 года. Ангарск в то время — новый, только зарождающийся город в тайге на берегу реки Китой. Это город нашего детства. Он навсегда остался в памяти «потерянным раем», так хорошо нам было там. Когда мы приехали, Саше не было четырех, а мне шести лет. Нам сразу дали трехкомнатную квартиру в двухэтажном доме. Я хорошо помню, что в мой день рождения 12 июля в 1950 году на мою облигацию выпал выигрыш, и я, такая счастливая, качалась на качелях.

Надо сказать, что в те послевоенные годы все работники обязаны были покупать определенное количество облигаций государственного займа, то есть государство брало деньги взаймы у своих граждан, а потом время от времени случалось так называемое «погашение» облигаций — государство выборочно возвращало людям деньги. Вот это и был мой выигрыш.

Все облигации мама сразу после получения помечала первыми буквами имен всех членов семьи — так было интереснее. Вскоре нас с Сашей отдали в детский сад. Помню, что я со своим грозненским «г» выделялась среди детей, они меня передразнивали, и я быстро научилась говорить как все.

Поздней осенью я заболела скарлатиной, и меня положили в инфекционную больницу. Больница эта располагалась на краю города в плохо отапливаемом бараке. К тому же в нем кроме больных обитали крысы и насекомые.

Однажды мама, придя ко мне и глядя с улицы через окно, увидела у меня на лбу ползущую вошь. На наше

счастье, вместе со мной в больницу попала молодая воспитательница детского сада, которая, как могла, заботилась обо мне. Родители были обеспокоены таким «лечением». В это время папе был выделен отдельный коттедж с приусадебным участком, и меня разрешили забрать домой как раз перед новым 1951 годом. Новый год встречали в новом уютном доме.

После скарлатины у меня было осложнение на сердце, и я болела еще дома. Тогда родители брали меня в свою комнату. Вообще, если мы с Сашей болели, нам полагались всякие вкусные вещи, которые мы не ели обычно: компоты из абрикосов, слив, персиков, черешни.

Наша жизнь в Ангарске, по детским воспоминаниям, была сплошное счастье.

У нас был собственный двор, в котором росли сосны. Меж двух сосен наш дедушка сделал качели. К нам во двор приходили играть ребята из соседних двухэтажных домов и из коттеджей. Мы любили рыть землянку или делать какую-то машину, которая так никогда и не сдвинулась с места, или просто играть с девчонками в дочки-матери. А иногда мы пытались ставить спектакли, например, «Золушку». А за забором, в общем дворе, игры у нас были другие, можно сказать, сезонные. Только подсохнет земля, мы чертили классики и играли каждую свободную минуту. Были в этом деле свои корифеи. Я обожала классики. Очень важна была хорошая плитка или битка, которую толкаешь ногой. Неплохие битки получались из кусков толстого кафеля, а еще лучше — из коробочек из-под гуталина, заполненных песком.

Много мы играли также в мяч об стенку — трешки, пятерки, десятки. Любимой общей массовой игрой были «вышибалы» с мячом, а также сыщики-разбойники.

В эти игры могли играть до позднего вечера, пока мама не позовет домой.

А еще в Ангарске мы, дети, не пропускали похороны, поскольку хоронили с оркестром. Гроб везли в открытой машине. Заслышав оркестр, мы неслись на его звук, и, чтобы увидеть, приходилось даже лезть на забор. Но все это было, когда проезжали по соседней улице. Далеко от дома мы не уходили.

Забыла упомянуть про скакалки. Им посвящали много времени даже в школе на переменах в теплое время года. Мы обожали и одиночные скакалки и общие — через веревочку на переменке — «часики».

Любили мы также, сидя летом возле дома, жевать плиточный фруктовый чай или жвачку, которую ребята постарше покупали на базаре, так называемую серу — твердые комочки бежевого цвета с очень приятным хвойным ароматом. Это была особым образом приготовленная смола хвойных деревьев, наверное, кедра. За неимением серы иногда даже жевали вар — это черная твердая смола, которую использовали строители. Гадость какая!

Зима — это лыжи, санки, катание с горки возле соседнего дома, пока мама не позовет домой или пока не заледенеет.

Зима — это Новый год, живая елка, которую привозили рабочие с папиного завода — они сами ездили в лес и выбирали.

Елкой в Ангарске обычно была сосна. У нас дома она была под потолок и очень пушистая. Некоторые игрушки делали с мамой сами, например, цепи и флажки. Мама устраивала нам дома праздник, приглашали детей. Мы готовили подарки в бумажных пакетиках, которые сами клеили. В пакеты клали конфеты, печенье, грецкие орехи, яблоко и мандарин. Эти фрукты, как правило, папа

привозил ящиками. Это были китайские яблоки, каждое из которых было обернуто в папиросную бумагу, и все еще пересыпано в ящике рисовой шелухой. Мандарины в ящиках тоже были обернуты в папиросную бумагу. Дедом Морозом наряжали нашего дедушку. Он заходил в дом с мороза, везя за собой большие санки, нагруженные подарками. После Нового года у нас с Сашей собиралось много подарков с елок в школе, у друзей, и все это «богатство» лежало в нашей комнате на столе. Как правило, Саша быстрее расправлялся со своими подарками и говорил мне, что надо делиться. И я делилась.

Мама и папа делали нам новогодние костюмы. В первом классе все девочки были снежинками, и поэтому мама сшила мне марлевою крахмальную пачку, которая хорошо держала форму, а лиф украсила бусинками. Во втором классе мы с девочками танцевали на Новый год вальс цветов. Я была маком, а моя подруга Оксана Бурдакова — генеральская дочка — была розой. Для костюма мака мама мне сделала шапочку с красными крахмальными лепестками, а вместо пестиков-тычинок в серединке мама пришила пышную шелковую кисточку от коробки духов «Красная Москва», покрашенную в черный цвет. И было красное платьице. Я была очень довольна.

Помню еще, как родители мне делали костюм лисы. В то время в магазинах мало что можно было купить: прошло пять–семь лет после окончания войны, и в первую очередь восстанавливали предприятия тяжелой промышленности. Магазинов в Ангарске было очень мало, а до Иркутска было пятьдесят километров, да и там мало что можно было купить. В общем, все делали сами. Маску лисы мы нашли детском журнале «Мурзилка», перевели ее на бумагу и склеили. Мама сшила рыжий халатик.

Долго мучились с хвостом, который свисал безжизненно, пока не вставили проволоку.

Новый год, а также 1 мая и 7 ноября были общие праздники, которые мы любили и отмечали вместе со всеми. Подготовка к празднику начиналась с того, что в доме наводились чистота и порядок. Мама стирала и крахмалила тюлевые шторы на окна, полотняные портьеры на двери, а также покрывала на кровати и накидки на подушки. Надо сказать, что в Ангарске, как и в Грозном, мама много вышивала. Так, например, полотняные шторы, накидки, дорожки на стол и пианино, а также скатерти были вышиты мамой в стиле «ришелье» и филейном. Наволочки были вышиты крестом и гладью. Так создавался уют в доме. Готовилось много вкусной еды.

Папа любил холодец с чесноком и хреном. Не помню, делал ли он его в Ангарске сам, а хрен точно делал. Готовила мама. Обязательно запекался гусь или утка. Мама пекла пироги — большой мясной с квашеной капустой, очень вкусный, и маленькие пирожки, а также фирменный сладкий пирог с курагой и грецкими орехами, украшенный косичками из теста и «Наполеон» из двенадцати пышек, как теперь говорят, коржей. Эти слоеные коржи, как правило, «фанерные», а мамины пышки были тоненькие и нежные. И «Наполеон» получался нежнейший. Теперь такие не делают. Очень любил и всегда хвалил его Э. Л. Дынкин.

У родителей была компания по большей части из молодых специалистов, приехавших в Ангарск с разных концов страны. В нее входили и Дынкины, с которыми связь поддерживалась и в дальнейшем. Очень хорошую память оставили Охотины — Виктор Викторович и Елена Ивановна. Они были старше родителей лет на 10–15,

и приехали в Ангарск из Славянска в Донбассе. Виктор Викторovich был по профессии экономист. Он был культурным и образованным человеком, со «старым» еще образованием, Елена Ивановна окончила гимназию и также была из культурной семьи. Виктор Викторovich был еще очень артистичен, играл на пианино и развлекал нас веселыми шуточными песенками. А еще он печатал свои очерки в местной газете. Очень интересны были его заметки о путешествии в Китай. Хотя Китай был рядом, в то время никто никуда не ездил. Поэтому заметки о поездке читались с большим интересом, а мы могли еще своими ушами слышать его впечатления, которые он в компании передавал мастерски и с юмором.

Гости к нам приходили с детьми, и мы играли в коридоре среди шуб, шапок и валенок или в нашей комнате.

У нас в коттедже на кухне был подвал, где хранили соления в бочках и банках и овощи, а в сенях была холодная кладовка для хранения мяса и молока. Холодильников тогда еще ни у кого не было. Зимой молоко продавалось на рынке в виде замороженных цилиндров по форме кастрюли на палочке, разного объема. За мясом и яйцами приходилось ездить, как говорили, «в район», и мама с приятельницами ездили на попутных машинах. Особенно сложно было зимой, в морозы. Вообще, со снабжением были проблемы, и всем этим занималась мама. Например, зимой яиц в продаже было мало, видимо, куры «бастовали», и поэтому зимой нам с Сашей яйца варили только по воскресеньям. А еще мы с Сашей любили, когда мама делала нам скоблянку. Для этого замороженное, как железо, мясо из холодной кладовки мама скоблила ножом, а потом поджаривала эти «стружки» с луком. Тогда нам это очень нравилось.

Дома у нас была кошка Сильва. Котенком ее взяли от Оксаниной кошки Барки. Были также собаки — овчарки. По очереди — сначала Джерри, затем Рекс, затем Джульбарс.

Теперь я понимаю, что жизнь в Ангарске была небезопасной — вокруг были лагерь, в которых содержались заключенные, не только политические или пленные, но и уголовники. И случались побеги из лагеря, и заключенные бежали, не минуя наши дворы, и, помнится, у нас в сарае дедушка находил следы их пребывания ночью. Днем никого не видели. Поэтому на окнах у нас в коттедже были изнутри деревянные ставни, которые закреплялись толстой палкой в виде бруса, входящего в пазы оконных откосов.

Поэтому была и собака. Первая — Джерри, красивая немецкая овчарка, однажды тяпнула меня за руку, оставив след надолго. Если папа или дедушка наказывали ее, то она обижалась и никому из мужчин не давала завести себя в дом вечером. Это могла сделать только мама. Зимой в сильные морозы Джерри брали в дом, и ночью она частенько оказывалась у бабушки на кровати под боком. Прогнать ее было невозможно. Джерри погибла под колесами автомобиля, провожая меня в школу.

Мы с Сашей учились в школе № 1 на Московской улице, совсем близко от дома. До сих пор помню свою первую учительницу — Нину Ивановну Дроздову. Она всегда была нарядно одета, как мне казалось, и от нее пахло духами. Школа у нас была хорошая, с директором Эповым, внук которого учился в моем классе. Так получилось, что ни в какой другой школе я не училась дольше, чем в первой, и поэтому свой класс в этой школе помню до сих пор. Был хор, в котором мы пели, бывали праздничные концерты со школьными любимыми зна-